

Вань Тун говорил якобы о соседях, но все прекрасно понимали, кого он на самом деле имеет в виду.

У Его Величества на тот момент было пятеро сыновей. С тех пор как принц Чжу Ютан был объявлен наследником, благородная наложница Вань пустила все на самотек и разрешила женщинам из гарема рожать, так что вскоре, как побеги бамбука после дождя, на свет появились четыре других принца.

Наследному принцу не исполнилось и двенадцати, второму принцу Чжу Ююаню было пять, а остальным меньше двух лет. Внезапно оказалось, что император вовсе не был бесплодным – наоборот, был полон сил. Просто прежде из-за наложницы Вань женщинам приходилось делать аборт или переживать выкидыши. Если бы Чжу Ютана не прятали, все было бы совсем иначе.

Благородной наложнице Вань не угодил лишь наследный принц. Хоть у нее и не было своих детей, она не желала, чтобы тот однажды взошел на престол и стал императором. Она радела за второго принца, рожденного от императорской наложницы Шао, и даже несколько раз поднимала при императоре вопрос о смене наследника. Ее младший брат Вань Тун и Ли Цзышэн также поддерживали кандидатуру Чжу Ююаня.

Все знали, что наследный принц не был с ними близок. В будущем, когда император почует, что станет с ними всеми? Конечно они мечтали об удобном императоре, при котором смогут жить легкой и счастливой жизнью.

В прошлый раз именно из-за них между императором и наследным принцем произошел конфликт, который закончился тем, что принц последовал совету Тан Фаня, пришел к отцу и воззвал к его чувствам, тем самым успокоив его гнев.

То, что произошедшее было делом рук Ван Чжи и Хуай Эня, оставалось тайной, так что Вань Тун не ведал о роли Тан Фаня в этом деле. Он знал лишь, что Тан Фань виновен в случившемся с Южной бандой. Обратив внимание на то, как тот только что выступил в защиту своего учителя, Вань Тун специально подстроил все так, чтобы смутить Тан Фаня и посмотреть на его реакцию.

Он считал, что один в поле не воин и Тан Фань не посмеет нанести ему оскорбление перед столь огромной толпой.

Среди присутствовавших идиотов не наблюдалось, так что все прекрасно понимали, что происходит.

Прожигающие взгляды были устремлены на Тан Фаня. Одни – злорадные, другие – сочувствующие, третьи – заинтригованные.

Суй Чжоу и с места не сдвинулся, лишь спина напряглась, как струна, и цвет лица стал еще холоднее, чем раньше. Он перевел взгляд с Вань Туна на Тан Фаня.

Суй Чжоу, конечно, мог подняться и выступить от лица Тан Фаня, как тот только что сделал для своего учителя.

Но это значило бы, что он усомнился в способностях Тан Фаня. Тот тоже был мужчиной, причем очень умным.

Тан Фань сам мог разобраться и не нуждался ни в чьей помощи.

Решив так, Суй Чжоу медленно разжал кулаки, поклявшись себе еще припомнить Вань Туну этот должок.

Но не все верили в Тан Фаня, как Суй Чжоу.

Цю Цзюнь был ужасно зол.

Зол из-за того, что Вань Тун и его шайка имели наглость открыто задать подобный провокационный вопрос, и из-за того, что жертвой их безрассудства стал его ученик.

Цю Цзюнь понимал, что если бы Тан Фань не вступился за него только что, подобного бы не произошло.

Решив так, господин Цю поднял седые брови и уже собирался встать, чтобы защитить своего ученика, как вдруг его с силой дернули за рукав.

Цю Цзюнь повернул голову и увидел склонившегося к нему Чан Чжиюаня.

— Сначала послушай, что скажет Жуньцин, – прошептал тот. – Может, у него выйдет разрешить ситуацию.

Он имел в виду: «Поспешив, ты можешь оказать Тан Фаню медвежью услугу».

Цю Цзюнь угрюмо нахмурился. Заставив себя подавить гнев, он успокоился и принялся наблюдать.

Он был не один такой. Ван Ао тоже хотел заступиться за Тан Фаня, но чуть более спокойный Се Цянь остановил его.

Тан Фань несколько не паниковал. Выражение лица его было ровным, будто он не услышал никакого подвоха в вопросе Вань Туна.

— Осмелюсь спросить командующего Ваня. Ты сказал, что старший сын недобродетелен и непочтителен. В чем это заключается? Младший сын умен, так насколько он умен?

— Мать старшего сына рано скончалась, и все его родственники, что поддерживали с ним связь, так или иначе кончили плохо. Отец его также слаб здоровьем. Он навлек несчастье на отца и мать – разве можно назвать его почтительным сыном? К тому же соседи плохо отзываются о нем – значит, недобродетелен. Младшему всего пять, учится он не хуже старшего. Отец любит его больше, да и способности к торговле он проявляет отличные. Его учителя утверждают, что он подает больше надежд, чем старший.

После этих слов никто более не сомневался: «Да это же неприкрытый намек на нынешних

принцев!»

Только младший брат благородной наложницы мог осмелиться говорить на подобную тему.

Тан Фань поднял брови:

— В законе нашей страны перечислены десять тяжких грехов и непочтительность к родителям – один из них. Если старший сын действительно непочтителен, он не может наследовать семейное имущество, – не успел Вань Тун победоносно улыбнуться, как Тан Фань продолжил: – Непочтительный сын проклинает родителей, дедов и прадедов, отказывается ухаживать за пожилыми родственниками, женится или зачинает детей во время траура по отцу или матери, отзывается о живых родителях, как о мертвых. Нельзя навлечь несчастье на родителей – это лишь миф, распространяемый невежественными простолюдинами, что никогда не читали законов. Если болезнь его отца и смерть матери – несчастья, что он навлек на них, то что насчет императора-основателя? Император-основатель рано лишился обоих родителей. Осмелюсь спросить командующего Ваня, что он думает по этому поводу?

— Каков наглец! Смеешь утверждать, что император-основатель навлек несчастье на своих родителей?! – воскликнул кто-то из зала.

Вань Тун свирепо уставился на идиота, ляпнувшего это.

Изначально тот намеревался помочь ему, но Вань Тун понимал, что на деле эти слова лишь обрекли его на окончательное поражение Тан Фаню.

Тан Фань улыбнулся:

«Я не говорил, что император-основатель навлек несчастье на родителей. Император-основатель – мудрый стратег, одаренный Небесами великим талантом. Пережитые в детстве несчастья закалили его характер, благодаря чему он сумел занять столь высокое положение. Разве можно судить его мерками невежественных простолюдинов? А коли так, старший сын соседа командующего Ваня, хоть и не сравним с императором-основателем, безусловно, не может считаться непочтительным сыном, навлекшим несчастье на отца с матерью.

Что касается младшего сына, то, поскольку ему лишь пять, рано говорить о том, что он способен унаследовать семейное дело. Разве вы не слышали историю цзинского князя Вана из Сун о несчастном Чжунъюне? С древних времен говорят: «Хорош в детстве – не значит, хорош всегда».

Вань Тун помрачнел, практически почернел.

С тех пор как его сестра стала благородной наложницей, он вознесся до небес. Ни один из родственников императрицы не занимали таких высоких положений, как он. Даже министры Кабинета обращались с ним учтиво. Его прежде никогда так не унижали на публике!

Вспомнив слова, что только что прошептал ему на ухо Пэн Хуа (министр обрядов), он подумал: «Этот черепаший сын, должно быть, знал о красноречии Тан Фаня! Так вот почему он струсил и попросил меня задать этот вопрос! Отлично! Из-за него я потерял лицо!»

— Стоит также отметить, – Тан Фань не дал Вань Туну и шанса подумать над ответом. Слабо улыбнувшись, он вновь сменил тему: – Не нам с вами решать, как должно поделить семейное имущество, а отцу тех сыновей. В законе Великой Мин говорится о том, как следует разделить наследство. Если отец не может принять решение, он может обратиться к властям. Нам не следует вмешиваться в чужие дела.

Вань Тун явно намекал на положение наследного принца, но Тан Фань решил интерпретировать его вопрос буквально, будто бы то, что сосед Вань Туна делит наследство, было правдой. Вань Тун потерял дар речи и глупо уставился на Тан Фаня.

К счастью для него, его товарищи не собирались сидеть и смотреть на его провал.

— Цензор Тан, мы просто так болтаем, – бросил Ли Цзышэн. – Не стоит относиться к этому столь серьезно!

— Сам не заметил, как увлекся! – рассмеялся Тан Фань. – Неловко получилось!

Вань Тун поспешил сгладить неловкость и тоже рассмеялся:

— Цензор Тан открыл мне глаза! Расскажу потом соседу, чтобы он не совершил глупую ошибку из-за незнания закона Великой Мин! Ладно! Продолжаем есть-пить! Давайте выпьем за то, чтобы Великая Мин процветала долгие века! И за здоровье Дракона, Сына Неба!

— Выпьем!

— Выпьем!

После этих слов все тотчас подхватили свои чаши и поднялись. Напряженная атмосфера разрядилась.

Гости за столом Тан Фаня выразили восхищение его смелостью и похвалили за то, как ловко тот поставил Вань Туна на место.

Ван Ао шепнул ему пару комплиментов.

— Этот Вань Тун, – молвил Се Цянь, – в своем высокомерии полагается лишь на сестру. Наследного принца ни во что не ставит и вместе с остальными постоянно пытается убедить Его Величество сменить наследника. Сегодня он точно говорил о принцах, чтобы поставить тебя в неловкое положение. К счастью, ты прекрасно справился и не попался в его ловушку. Твое имя снова будет у всех на слуху!

Тан Фань горько улыбнулся:

— Люди боятся славы так же, как свиньи боятся набрать вес. Я предпочел бы не иметь такой известности!

Се Цянь похлопал его по плечу:

— Несчастье со счастьем об руку ходят. Только подумай, все не так плохо. Когда ты прославился с делом округа Сяньхэ, многие говорили, что тебе просто повезло. Теперь, когда ты не струсил и осмелился открыто высказать свою позицию, все увидели, какой ты храбрец. Отныне критики в твой адрес станет намного меньше!

— Верно, Жуньцин! – подхватил Ван Ао. – Вскоре в чиновничьих кругах разлетится молва о “Цензоре Тане с мужеством воина и сердцем поэта”!

В ответ на шутки Тан Фань лишь закатил глаза и молча заработал палочками.

Он нанес оскорбление Вань Туну – что ему еще оставалось, кроме как компенсировать сегодняшнее физическое и умственное перенапряжение хорошим обедом?

Вань Тун на людях корчил из себя человека широких взглядов, но, как только банкет кончился и гости разошлись, велел запереть двери и разбушевался:

— Кем он себя возомнил? Простой помощник цензора! Как смеет смотреть на меня свысока?! Неужели решил, что, раз раскрыл какое-то громкое дельце, так его теперь тронуть никто не посмеет?!

Присутствующие при этой сцене люди были лучшими друзьями Вань Туна. Они не стали бы смеяться над ним из-за столь эмоционального проявления гнева.

Ли Цзышэн с улыбкой ответил:

— Командующему Ваню не стоит злиться на кого-то вроде него. На мой взгляд, этот Тан Фань ничем не отличается от других чиновников с непомерно раздутой манией величия. Ухватился за возможность покрасоваться перед всеми – кроме острого языка у него ничего нет. Попрошу кого-нибудь нарыть на него компромат и вышвырнуть из столицы, чтобы командующий Вань смог излить свой гнев!

— Этот Тан Фань не простой мелкий чиновник, – вставил Шан Мин. – За него заступается Суй Чжоу, да и у Ван Чжи с ним хорошие отношения. Он сам помощник цензора, а правый столичный цензор – его учитель. Что делают цензоры? Кусают, кого хотят! Рангом невысок, но не стоит его недооценивать! Рано или поздно он укусит в ответ. Не смертельно, конечно, но все равно неприятно!

Его слова лишь подлили масла в огонь. Вань Тун еще пуще рассвирепел.

Одна мысль о том, что банкет в честь его дня рождения был испорчен парочкой Цю Цзюня с Тан Фанем, вызвала в Вань Туне отвращение.

О том, что это он первым начал нападать на них, он благополучно забыл.

Пэн Хуа пригладил бороду:

— Командующий Шан дело говорит. У малыша Тан Фаня острые зубки и язык, но бояться его нечего. А вот попытаться уничтожить Западную Ограду с его помощью было бы здорово.

Шан Мин всегда мечтал избавиться от своего заклятого врага Ван Чжи, но, услышав эти слова, покачал головой:

— К сожалению, Его Величество еще слишком привязан к Ван Чжи. Сколько бы мы ни пытались очернить его имя, Ван Чжи все ни по чем!

— Подле его величества столько людей, а Ван Чжи вот уже два года не показывается. Почему Его Величество до сих пор не позабыл о нем? – озадаченно спросил Ли Цзышэн.

Услышав эти слова, Вань Тун с Пэн Хуа молча перевели на него взгляды, мысленно обругав идиотом.

Ли Цзышэну повезло продвинуться по службе лишь благодаря даосским практикам, так что бездарным счастливым его считал не только Цю Цзюнь, но и Вань Тун с товарищами. На деле те смотрели свысока на Ли Цзышэна и Цзи Сяо, что строили из себя магов-кудесников, однако император очень доверял подобным личностям, так что Вань Тун и его единомышленники решили, что те могут оказаться весьма полезными.

В этом и состоит разница между мерзавцем и благородным мужем.

Люди вроде Цю Цзюня и Хуай Эня не желали использовать Ли Цзышэна для укрепления статуса наследного принца, даже если и знали, как император благоволит ему.

Однако Вань Тун и иже с ним были не такими. Они использовали любые методы для достижения своей цели.

Шан Мин был евнухом и не питал предубеждений касательно Ли Цзышэна, так что принялся с улыбкой объяснять ему:

— Господин Ли в столице недавно, и недоумение твое понятно. Этот Ван Чжи во дворце с самого детства. Он служит Его Величеству и благородной наложнице дольше, чем я. Можно сказать, он рос у них на глазах. Вот почему Его Величество так благоволит ему.

— И что толку! – фыркнул Вань Тун. – Он крыса-перебежчик! Моя сестра была так добра к нему, а он помог каким-то олухам разоблачить меня! Нужно поскорее избавиться от него, пока не поздно!

Стоило ему вспомнить об уничтожении Южной банды, как внутри аж все зазудело от гнева.

Вечно недовольный тем, что Ван Чжи пользуется большим расположением, чем он, Шан Мин тотчас ухватился за возможность нанести удар своему старому врагу:

— Он сам выкопал себе яму, попросив остаться на границе без уважительной причины. Уйти легко, а вот вернуться сложно. Мне кажется, Его Величество уже постепенно охладевает к нему. Первый министр подаст прошение приостановить работу Западной Ограды – обезьяны разбегутся, как только дерево падет. Смерть Ван Чжи – лишь вопрос времени.

— Не рассчитывай особо на этого старого лиса, – покачал головой Вань Тун. – Кроме того, что бегаёт быстрее всех, он ни на что не годен. По окончании банкета я попросил его остаться,

чтобы обсудить кое-что важное, но он ускользнул под предлогом того, что у него что-то дома случилось. Он действует лишь в том случае, когда уверен в желаниях Его Величества. Если Его Величество все еще доверяет Ван Чжи, он и пальцем не пошевелит. Не станет он лезть в столь мутные воды!

— Командующий Шан, – спросил Пэн Хуа, – я слышал, что Ван Чжи в последнее время снюхался с Хуай Энем. Это правда?

— Своими глазами не видел, но слышал от ребят во дворце. Те пару раз становились свидетелями того, как Ван Чжи встречается с Хуай Энем. Переговаривались коротко и стояли в отдалении, так что никто не слышал, о чем шла речь.

— Поговаривали вроде, что Хуай Энь с Ван Чжи недолюбливают друг друга? С каких пор они стали заодно?

— Не важно, с каких пор, – мрачно ответил Вань Тун. – Этот старик Хуай Энь всем сердцем предан наследному принцу. Если Ван Чжи переметнется на их сторону, принц станет подобен крылатому тигру! Как обстоят дела в Датуне? Нам срочно нужно что-то придумать. Если вернется с военными заслугами, да еще и с Западной Оградой в кармане, боюсь, с ним станет сложно совладать! – сказав так, он поднял глаза на присутствующих: – Что думаете, господа?

— Слышал, – задумчиво протянул Пэн Хуа, – в последнее время дела в Датуне идут не очень, так что в ближайшем будущем он будет очень занят. Хорошо бы найти парочку цензоров, что пожалуются на преступления Западной Ограды. Без Западной Ограды он лишится руки!

Среди присутствующих лишь один человек, помимо Вань Туна, до смерти ненавидел Ван Чжи.

Шан Мин злорадно ухмыльнулся:

— У меня есть идея получше. Трех орлов одной стрелой: избавимся разом ото всех неугодных командующему Ваню!

Тан Фань в это время понятия не имел, что кто-то плетет заговор, который вероятно, коснется и его.

Несколько дней после случившегося он то и дело слышал, как коллеги в цензorate обсуждают банкет по случаю дня рождения и то, как Тан Фань сначала помог своему учителю, а затем остроумно решил задачку, заданную ему коварным Вань Туном. Как Се Цянь и говорил, он вмиг стал знаменитым – чиновники из цензората взглянули на него по-новому.

Большинство, хоть и предпочитали помалкивать, в глубине души не одобряли таких людей, как Вань Тун. Тан Фань сделал то, что все так давно хотели, но не смели сделать сами – теперь им многие восхищались.

Вдобавок ко всему, учитель Тан Фаня был одним из глав Цензората, так что отношение к нему здесь было совершенно иным, нежели в Министерстве Наказаний. Это было так неожиданно, что Тан Фань не знал, как реагировать.

Если отбросить все эти разборки при Дворе, жизнь Тан Фаня стала более размеренной, легкой и комфортной, чем раньше.

После того как Тан Юй с сыном перебрались в столицу, встал вопрос об обучении Хэ Чэна.

Тан Фань блестяще сдал императорский экзамен, чего было более чем достаточно, чтобы обучать племянника, но из-за занимаемой должности у него было не так много времени, так что пришлось нанять учителя.

Им стал ученый, сдавший провинциальный экзамен, но заваливший последний императорский этап. Научные заслуги у него были выше, чем у Хэ Линя, но он был не столь высокомерен. Он собирался остаться в столице, чтобы дожидаться следующего императорского экзамена, так что ему нужны были деньги. Обучение ребенка богатой семьи – достойный способ заработка.

Обсудив этот вопрос с Тан Юй, Тан Фань позволил господину Кэ остаться и назначил щедрое жалование, чтобы тот обучал Хэ Чэна с А Дун.

Хэ Чэн был нежным и кротким ребенком, которому нравилось учиться, А Дун же считала учебу бесполезным и скучным занятием. До появления Хэ Чэна сравнивать ей себя было не с кем, так что она считала, что уметь читать и писать вполне достаточно. Теперь же с Хэ Чэном, учителем и старшей сестрой под боком пути к отступлению ей были отрезаны.

К счастью, Тан Фань с Тан Юй не требовали от нее слишком многого. Ей, в отличие от Хэ Чэна, которому в будущем придется принимать участие в императорских экзаменах, было достаточно лишь научиться писать хорошие и складные тексты. От мальчика требовали в десять раз больше.

Кроме того, решив избавить Хэ Чэна от приобретенной в нем в доме Хэ нерешительности, Тан Фань поговорил с Суй Чжоу, и теперь мальчика раз в десять дней отправляли в Северный Двор на тренировочную площадку, где он должен был заниматься вместе с Императорской Стражей, выполняя приседания и отжимания.

Как мог Хэ Чэн вынести все это? Он постоянно плакал и сердце Тан Юй сжималось от жалости при взгляде на него, так что она попросила Тан Фаня избавить ребенка от таких мучений.

Тан Фань прекрасно понимал материнские чувства своей сестры, но все же настоял на своем, объяснив ей необходимость тренировок на примере Хэ Линя: жизнь того с самого детства была спокойной и тихой, без потрясений и поражений, так что во взрослом возрасте одна-единственная неудача стала для него слишком большим ударом, от которого он не смог оправиться.

Убеждения подействовали. Подумав, Тан Юй согласилась и больше не поднимала этот вопрос.

Для малышки А Дун, которая обожала заниматься боевыми искусствами, Северный Двор стал любимым местом. Она была слишком мала, чтобы заниматься наравне со взрослыми, но даже так тренировалась намного больше Хэ Чэна.

В конце концов, маленькая тетя пробудила в Хэ Чэне дух соперничества, так что даже в дни, когда не нужно было ходить на тренировки, он то и дело по утрам во дворе отрабатывал

приемы. Его тело постепенно становилось сильнее, цвет лица и настроение значительно улучшились по сравнению с тем, что были в доме Хэ.

Глядя на счастливые глаза, которыми Тан Юй смотрела на своего ребенка, Тан Фань окончательно уверился, что привезти сестру в столицу было правильным решением.

В столице Тан Юй в свободное от торговли время, не приходилось скучать в одиночестве. Вскоре после возвращения в столицу Янь Ли подготовил все три документа и прошел через все шесть церемоний, после чего восьмая барышня Хэ переступила порог его дома и они зажили счастливой семейной жизнью.

У восьмой барышни Хэ, кроме Тан Юй, других родственников в столице не было. Эти двое, прежде особо не общавшиеся друг с другом, быстро сблизились. Восьмая барышня Хэ оказалась весьма интересной девушкой. Перед господином и госпожой Хэ она была послушной и кроткой, но на деле оказалась смелой и прямолинейной. Помимо всего прочего, она отлично держала своего мужа в узде. Выйдя замуж за Янь Ли, она быстро научила его повиновению, сделав необычайно покорным.

Наличие женщины, которая заботилась о домашних делах, меняло жизнь. Так было с Янь Ли и восьмой барышней Хэ, так стало и с Тан Фанем и Тан Юй.

Та не жила с Тан Фанем и Суй Чжоу, но их дома располагались друг к другу ближе некуда. Тан Юй наняла двух служанок, чтобы те помогали ей по хозяйству и каждый день ходили в соседний дом прибираться.

Сама она лично шила одежду и обувь для Тан Фаня, не забывая одаривать и Суй Чжоу с А Дун. Сестра Тан обладала превосходными навыками, и с тех пор все трое обзавелись новой одеждой, сшитой с любовью и заботой. Благодаря сестрице Тан мастерство А Дун также становилось все лучше и лучше.

Тан Фань предпочитал подобную мирную жизнь вечной борьбе и всеобщему вниманию.

Так просто, но зато тепло и радостно.

В кругу семьи ему не нужно было следить за словами, просчитывать наперед и раздумывать о том, как правильнее следует поступить, чтобы никого не обидеть. Только рядом с ними он мог полностью расслабиться.

Подобное чувство во всем мире могли подарить ему лишь эти несколько человек.

Сегодня, в свой выходной, Тан Фань сходил в гости к друзьям, поужинал в их доме и вернулся домой, лишь когда яркая луна поднялась на небосводе.

Он несколько переел, так что спать совсем не хотелось. Заложив руки за спину и любуясь на луну, он прогуливался по двору, чтобы пища быстрее переварилась.

Народу в магазинчике было много, поэтому Цянь Сан-эру приходилось каждый день вставать рано поутру и ночевать прямо на заднем дворе лавки. Там были кровать и одеяла, так что тесниться не приходилось.

Стояла тишина, словом перекинуться было не с кем, Суй Чжоу еще не вернулся. Тан Фаню вскоре стало скучно, и он решил пойти спать.

Он уже развернулся, намереваясь зайти внутрь, как вдруг услышал шаги и голоса снаружи.

Вскоре ворота распахнулись, во двор зашли три человека.

Вернее, два человека, что тащили на себе третьего.

Человек посередине склонил голову, ноги его не держали. Это что, Суй Чжоу? Граф Суй?

Поскольку тот еще не вернулся, ворота не были заперты. Повернув голову, Тан Фань замер, ошеломленный, и поспешил сделать шаг вперед, чтобы поддержать Суй Чжоу. Заметив, что двое сопровождавших его людей выглядят незнакомыми, он не удержался от вопроса:

— Большое спасибо, что проводили Гуанчуаня. Что с ним такое?

Те переглянулись, явно недоумевая, что такой, как он, делает в доме Суй Чжоу. Но Тан Фань не походил на слугу и мог оказаться братом Суй Чжоу или кем-то в этом роде.

— Господин слишком много выпил на пирушке. Командующий велел проводить его до дому.

В этот момент Суй Чжоу, кажется, решил сделать шаг, но его ноги внезапно подкосились и он завалился вперед себя. Тан Фань поспешил подхватить его за плечи, но силы были неравными, так что он сам покачнулся, стараясь удержать равновесие.

Суй Чжоу тем временем обнял Тан Фаня. От него пахло алкоголем, и он продолжал тереться об него носом и ртом, вдыхая его запах и выкрикивая при этом: “Барышня Цин! Барышня Цин!”. Пьяный, он выглядел необычайно взволнованным, а не сдержанным и холодным, как обычно.

Недоумевая, кто эта загадочная “барышня Цин”, Тан Фань кое-как сдерживал Суй Чжоу, чтобы тот не опозорился перед двумя приближенными.

— Барышня Цин, пойдем... Вернемся в комнату, днем ты обещалась мне, я хочу...

Горячее дыхание странно обожгло Тан Фаню уши. Он не был уверен, что тому виной: вино или жар, – но уши его вмиг нагрелись. Не сдержавшись, он попытался отступить назад, но не смог противиться силе человека, что продолжал удерживать его в крепких объятиях.

Став свидетелями этой сцены, двое других решили, что глава Двора Суй, обычно такой сдержанный и высокомерный, на деле, оказывается, весьма сластолюбивый человек. Выпивка раскрыла его истинную сущность, а эта “барышня Цин”, должно быть, его прекрасная наложница, чье имя он кричит, по ошибке схватив своего братца – смех да и только!

Обменявшись многозначительными взглядами, они вновь обратились к Тан Фаню:

— Час поздний, не будем мешать господину отдыхать. Мы пойдем.

Не в силах вырваться из объятий Суй Чжоу, Тан Фань лишь горько улыбнулся, обменялся с ними парой слов на прощание, проводил взглядом и, подтащив свою “большую ношу” к воротам, запер их, а затем помог тому добраться до спальни.

Войдя в комнату, Тан Фань уже собирался помочь Суй Чжоу сесть на кровать, когда тот внезапно с силой ухватился за него и, перевернув на спину, прижал к кровати.

Господин Тан вздохнул:

— Долго ты еще намерен притворяться?

— Как ты узнал? – лежащее на нем тело шевельнулось.

— Потому что я прекрасно тебя знаю, – улыбнулся Тан Фань. – Что это только что было?

— Вернувшись на свой пост, Вань Тун занялся перестановкой сил. Главу Южного Двора вон заменил на своего человека. Однако в Северном Дворе его люди были полностью искоренены господином Юанем. Меня он пока не трогает, временит – лишь пытается хитростью переманить на свою сторону. Сегодня устроил пирушку для служащих Северного и Южного Дворов в надежде услышать из моих уст признание в желании сместить наследного принца. Я не хотел связываться с ним, так что притворился пьяным и отправился домой.

Тан Фань прекрасно знал, что Суй Чжоу не принадлежит ни к какой группировке при Дворе, ни на кого не полагается и сохраняет нейтралитет. Именно поэтому император Чэнхуа и доверял ему. Вань Тун тоже обратил на это внимание. Заручившись поддержкой Суй Чжоу, он бы смог не только вернуть былое влияние в Императорской Страже, но и заполучить могущественного покровителя.

— Он, должно быть, пообещал тебе кучу привилегий? – ухмыльнулся Тан Фань.

— Меня совершенно не интересуют эти так называемые “привилегии”, – равнодушно бросил Суй Чжоу.

Тан Фань откашлялся и толкнул его в бок:

— Ладно, граф, все ушли. Хватит разыгрывать сцену, иди к своей барышне Цин.

Суй Чжоу слабо усмехнулся:

— Кто такая барышня Цин, как думаешь?

Он лишь притворялся пьяным, но, по правде, сегодня вечером действительно много выпил, что было заметно по его улыбке.

— Откуда мне знать, кто это? – спросил Тан Фань.

— Возьми второй слог из “Жуньцин” – выйдет “барышня Цин”, не так ли?

Тан Фань: “...”

По правде говоря, догадаться было легко – стоило лишь чуточку подумать, но по какой-то причине подобная мысль никогда не посещала его голову.

А учитывая его находчивость, это было довольно странно.

Господин Тан на мгновение задумался и очнулся лишь тогда, когда вес давящего на него тела несколько увеличился.

Расстояние между ними двумя становилось все меньше и меньше, кончики их носов почти встретились, дыхание смешалось.

Под пристальным и безмолвным взглядом господин Тан благополучно покраснел...

— Ты...

Он успел произнести лишь одно слово, прежде чем голова человека напротив медленно опустилась – тот уткнулся ему в шею и заснул.

Тан Фань: "..."

Примечания переводчика:

В группе вк по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) и одноименном тг-канале (t.me/tsomd) бесплатно доступна уже 88 глава.

Платные главы в группе всего за 100 руб./мес.

Комментарии переводчика публикуются тоже только в группе во избежание срачей)

* - “Несчастный Чжунъюнь” - история, написанная Ван Аньши из династии Сун, в которой рассказывается о мальчике-вундеркинде, сыне земледельца, который с пяти лет писал стихи. Слава о нем распространилась по всему городу. Отец не стал отдавать ребенка в школу, а пытался заработать на нем денег, показывая народу и продавая его стихи. В 12-13 лет стихи того стали значительно хуже, а, повзрослев, он и вовсе лишился таланта.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2387964>